

Лечение продвигалось довольно быстро, уже к вечеру того же дня, Шисуи смог подняться с постели самостоятельно и принять душ, что он с удовольствием сделал. Слишком уж ему надоел запах крови, что преследовал с момента пробуждения. Однако избавиться от него, когда он надевал маску, так просто не получалось. Казалось, что густой металлический запах въелся в ее поверхность и изменить это можно было только поменяв маску. Шисуи было даже немного жаль, ведь эту маску ему выдали, когда он стал частью отряда Какаши-сан. Маленькое напоминание, от которого не было сил отказаться, но желания оставаться в АНБУ, когда там нет Хатаке, не было. Учихе хотелось просто отдохнуть, избавиться от сосущей пустоты в душе, но он знал, что лекарство будет только одно — Хатаке Какаши. Только вот ее рядом не было и его все больше захватывало ощущение безнадеги. Впрочем, долго предаваться размышлениям и лелеянию боли он не стал, буквально заставив себя подняться проследовать в палату к Кошке. Он должен убедиться, что его подчиненная в порядке, да и планирование возвращения домой тоже лежало на его плечах. Он должен был знать, что писать в отчете и какие действия предпринять.

— О, Ласка-тайчо, — в палате Кошки его встретило мерное пиликанье приборов и усталый взгляд Медведя. — Вам следовало еще отдыхать.

— Нет времени, — отмахивается от слов подчиненного Учиха и совсем без перехода, уточняет.
— Как она?

— Жизненные показатели стабильны, — устало вздохнув, отозвался мужчина. — Однако она еще не приходила в себя.

— Что говорят иренины? — Шисуи тяжело облакачивается на стену, усталый вздох удаётся сдержать с трудом. Старые раны дают о себе знать, но он должен кое-что сделать, да и выслушать отчет подчиненного необходимо. Чакроканалы немного побаливают, но ему все же удаётся наложить иллюзию на палату. Теперь никто не услышит их разговор. Какаши-сан бы точно одобрила его действия.

— Ничего конкретного, да и эти ирьенины... — в голос Медведя просачивается раздражение. — В Коноху надо ее, да нельзя перемещать, состояние может ухудшиться.

— Плохо, — Шисуи недовольно морщится, пытаясь придумать выход, представить, что бы на его месте сделала Какаши-сан... хотя у нее в хороших знакомых была сама Цунаде Сендзю. Пусть та бы и не стала мчаться по первому зову, но все же бы посоветовала кого-нибудь ей на замену. Хотя он мог быть и не прав, у Хатаке всегда было несколько вариантов решения проблем. — Что с Пантерой, да и как твое состояние?

— Все в порядке, — отзывается Медведь. — Нас тот сумасшедший почти не задел, так, пара порезов. Выглядит страшнее, чем есть на самом деле. Яд на косу он не наносил, поэтому отделались легким испугом.

— Вы узнали, кто это был? — несколько устало и совершенно не надеясь на ответ, полюбопытствовал Шисуи.

— Некто Хидан, родился и вырос в Югакуре, — устало откликнулся Медведь. — Был джоунином деревни, пока совет не решил встать на мирный путь развития и превратиться из Какурезато в курортный городок. Был известен своими резкими высказываниями, а когда было оглашено заключительное решение — сорвался. Вырезал половину старейшин с их семьями, а после решил уйти. За ним послали погоню, мы успели перехватить последнего выжившего из них.

— О примененной им технике что-то узнать удалось? — заинтересованно подался вперед Учиха.

— Нет, никто ничего не знает, но очевидцы говорили о том, что в какой-то момент Хидан стал верить в некого Джашина, — разводит руками Медведь. — Религия старая, ее почти никто не помнит, ведь ее запретили очень давно, а последователей вырезали.

— Видимо не всех, — мрачно замечает Учиха.

— Не всех, — согласился с ним подчиненный. — Кстати, Ласка-тайчо, а что за дзюцу вы на нем использовали?

— Это клановое, прости, — откликнулся Шисуи, даже не задумываясь о своих словах. В памяти невольно всплывают картинки прошлого и появляется понимание, что с его глазами произошло что-то странное. Однако он решил отложить этот вопрос до Конохи, ведь, чтобы понять произошедшие изменения, надо сесть за медитацию. Иначе никак. — Что с Хиданом?

— Неизвестно, — невозмутимо откликается Медведь, но заметив, как прищурился командир, поспешно поясняет. — Зажженное вами черное пламя не пропускает к нему, а крики стихли еще в самом начале. Сейчас за этим местом следит Пантера.

— Следит? — удивленно зацепился за оговорку подчиненного Учиха.

— Пламя, оно не погасло, — коротко сообщает мужчина. — Мы следим за ним попеременно. Один живой человек и теневой клон кого-нибудь из команды. Опасно, конечно, но выбора нет.

— Хорошо, — согласно кивает Шисуи. — Если увидишь Орла, отправь ко мне.

— Хай! Ласка-тайчо! — бодро отозвался Медведь, смотря, как несколько тяжеловато отлепляется от стены его командир, но даже не пытаясь предложить помощь — обидится.

Учиха покидает палату, не волнуясь о том, что кто-то мог их слышать. Иллюзии великая вещь, а ему еще требовалось решить проблемы с переброской своей команды в деревню. Да и увидеть последствия той техники, что он применил в прошлый раз. Следовало очень много сделать, но это и к лучшему. Шисуи чувствовал, что не готов засыпать и вновь видеть свою ожившую мечту во сне. Это было слишком больно, и он все чаще стал себя ловить на мысли, что не хочет просыпаться.

Еще два дня проносится перед глазами с небывалой скоростью. Шисуи приходится очень много работать и порой он засыпает, не доходя до койки в отведенной ему палате. Какаши-сан, как чувствуя его состояние, не приходит к нему во снах. Однако от этого только тревожнее, пусть он и выполнил все, что от него зависит. Его отряд смог собрать сведения о Хидане, оказавшимся джашинистом. Пусть это и было сложно, но им удалось восстановить то, как он узнал об этой вере. Нашли даже небольшой храм, больше похожий на алтарь и парочку аколитов старой веры. С ними они не церемонились, Учиха сразу же уничтожил их новой силой своих глаз, другого пути не было. Правда, что делать дальше он не знал. Сведения, которые он смог добыть об их вере... Шисуи сомневался, что им место в Конохе. Как-то у него не возникало сомнений, что за бессмертие очень многие с радостью начнут убивать. Тем более, ритуал принятия веры был не сложен, а вылить символ веры и того проще. Учиха не торопился описывать эти подробности, слишком хорошо представляя результат и не решаясь рисковать. Он один раз уже сглупил и в результате исчезла Какаши-сан. Кто знает, какими могут быть последствия, стоит ему и сейчас рассказать о находке?

Шисуи колеблется не слишком долго, сжигая все, что могло рассказать о вере в Джашина. Он готов к последствиям, да и просто не хочет провоцировать других на совершение глупостей. Принятие этой веры он относит к ним. Делает он это удивительно вовремя. Стоило им вернуться с коротенького рейда, как прибывает запрошенная из Листа подмога. Несколько команд с опытными командирами, которых хвалила Какаши-сан, но с ним они работают настороженно. К тому же приносят приказ передать расследование в их руки, а самому возвращаться назад. Его команда выполнила свою миссию, теперь может отдохнуть. Ради этого не пожалели один из свитков для переноса раненых. К сожалению, Кошка так и не пришла в себя, по-другому донести ее до Конохи не представлялось возможным. Учиха был искренне благодарен за такую заботу, ведь рана женщины была в плохом состоянии и местные ирренины... на них надежды не было, нанесенные клинком Хидана раны, они затрагивали не только простую плоть.

Возвращение в Коноху было странным, ведь Шисуи впервые за столько времени не пытался погнаться за призраком, первым делом явившись на порог к Кушине-сама. Его путь лежал прямо в госпиталь, следовало отдать на лечение свою сокомандницу, да и самому провериться. Это заняло довольно много времени, хорошо хоть отчет был написан заранее и Учиха без всякого смущения передал его главе АНБУ через наиболее целых членов команды. Сейчас его куда больше волновало состояние Кошки, за которую взяли лучшие ирренины и даже

Цунаде-сама, которая оказалась в деревне, не осталась в стороне. Сенджу-химе не стала ждать, когда ее позовут, просто пришла и начала организовывать людей. Операция длилась больше пяти часов и в коридорчике, который отводился для принятия раненых из секретных подразделений, столпилась вся команда. Они ждали, когда откроются двери и выйдет хоть кто-нибудь.

— Ты стал прекрасным командиром, Шисуй-кун, — рядом с парнем раздался негромкий голос и тот с удивлением посмотрел на присевшую рядом с ним женщину. Кажется, это была ученица Цунаде-сама и звали ее... парень пару секунд усиленно пытался вспомнить и, спустя пару мгновений у него получилось. Шизуне Като, когда-то о ней ему рассказывала Какаши-сан, говоря, что в детстве они соперничали. Кажется, были в разных командах и почти не общались, но после появления Наруто неплохо сошлись на почве ирредзюцу. — Какаши-чан бы порадовалась за тебя.

— Какаши-сан нет в Конохе, — негромко отозвался парень, ощущая привычную боль в груди при звуках дорогого имени.

— Она вернется, — убежденно отозвалась Като. — Обязательно. Всегда возвращалась, как бы тяжело ей не было.

— Вам что-то известно? — Шисуй чувствовал себя настоящим моральным уродом. Там, за дверью идет сложнейшая операция, которая решит судьбу его подчиненной, а он радуется просто возможности узнать что-нибудь о бывшем капитане. Хотя для него Хатаке Какаши значила куда больше.

— От нее нет никаких вестей уже год, — покачала головой Шизуне-сан, но заметив, как опустились плечи паренька, тихо добавила. — Цунаде-сама говорила, что она жива, но задание не подразумевает связь с деревней.

— Спасибо, — отчего-то Шисуй хотелось верить в слова женщины. Он с трудом сдерживался от того, чтобы не начать задавать уточняющие вопросы, попытаться вызнать побольше, погрузить

в гендзюцу и выбить подробности, в конце концов! Однако он смог сдержаться, а после двери в операционную палату открылись и оттуда вышла Цунаде-сама.

— Кто командир? — она окинула их компанию беглым взглядом, на мгновение задержавшись на нем и Шизуне-сан, но не стала ничего высказывать.

— Я, — Учиха делает шаг вперед. Он напряжен, ибо знает, что Принцесса Слизней не любит говорить попусту, да и весь ее вид указывает на то, что просто не будет. Похоже, у его подчиненной проблемы и сильные. Осталось узнать насколько.

— Идем, стоит поговорить, — согласно кивает женщина и делает знак следовать за ней. Она не торопится, но спустя пару минут они оказываются у дверей кабинета главного врача. Там пусто и Сенджу-химе невозмутимо шествует внутрь и садится за стол, ставя локти на столешницу и переплетая пальцы. — Я буду кратка, твоя подчиненная не сможет остаться на своей должности, — взгляд карих глаз жесткий. — Мы с трудом спасли ее жизнь, еще пара дней и за результат не смогла бы поручиться даже я. Были задеты слишком важные чакроканалы, плюс обычное внутреннее кровоизлияние, которое никто нормально не вычистил. Еще немного бы и пошло заражение крови. К счастью, вы успели, — немного смягчившимся тоном, продолжает она. — Она будет жить, чакроканалы я ей подлатала, но с месяц, ей нельзя пользоваться дзюцу выше ранга-С, ранг-А будет позволено применять только через полгода. К тому же у нее начнутся трудности с контролем, все же спайка мест разрывов слишком сложное дело и провести ее аккуратно не удалось. В подробном заключении прочтешь из-за чего. Главное, что былую силу она не вернет еще долго, если вообще вернет. У меня все.

— Благодарю, Цунаде-сама, — несмотря на жуткие новости, голос парня звучит ровно, а поклон идеально выверен.

— Иди и хорошо обдумай, что будешь делать, Шисуи, — голос Сенджу-химе стал теплым. — Хьюга ведь тоже подали прошение о переводе Ко в запас. Сэнсэй им вряд ли откажет, даже прошение придерживать не будет.

Вместо ответа очередной поклон. Он благодарен за данную информацию, но в голове постоянно бьется мысль, что это не вовремя. Очень и очень не вовремя! Если с уходом одного члена команды, он еще мог смириться, то происходящее сейчас... слишком скверно. Однако он не может принимать решение в одиночестве. Ему требуется посоветоваться со своей командой и узнать ответ остальных. Они вполне могут стать просто джоунинами и брать миссии в Резиденции, а не получая прямые приказы. Для него уйти из АНБУ не проблема, два года непрекращающейся полевой работы, да и Клан за спиной дают такую возможность. У Медведя и Пантеры тоже с этим проблем быть не должно. Они уже «старички», им давно пора на отдых, хотя тут тоже может пригодиться имя Учиха, если их не захотят отпускать просто так. Настолько опытным шиноби легко найдут работу в Военной Полиции, а у него будет сильная команда в зоне доступа.

Шисуи старательно убеждает себя, что так будет правильно, лучше, но все же нервничает перед разговором с командой. Зря. Те полностью поддержали его решение, пусть и решили уходить из АНБУ не одновременно. Небольшая предосторожность, все же их сговор могли посчитать опасным. Впрочем, никого не удивило, что вслед за Кошкой, которая охотно согласилась на место в Полиции (Какаши-сан учила заботиться о своих людях!), ушли Пантера с Медведем, став обычными джоунинами. Еще через два месяца, Орел покинул АНБУ став телохранителем Хинаты Хьюги. Спустя еще полгода, из рядов АНБУ ушел и Шисуи. Официально, из-за падающего зрения, но это было не совсем правдой. Зрение упало не слишком сильно, да и сам Учиха старался избегать перегружать додзюцу и, вспомнив советы Какаши-сан, налег на изучение стихий и тайдзюцу. Благо, ему это давалось не слишком сложно. Другое дело, что в деревне его ценили за сильные иллюзии, а не изученные дзюцу. Впрочем, он старался не забрасывать занятия с гендзюцу, учась их накладывать без помощи шарингана.

Дел у Учиха было много, он специально загружал себя, чтобы отвлечься. Перестать вспоминать серебристый водопад волос и веселую улыбку. Однако каждую ночь, ложась спать, он надеялся, что она придет в его сон. Позволит себя увидеть, он уже не думал о большем. Он пытался придумать, что скажет девушке, когда она вернется, придумывал сотни речей и не мог остановиться. Каждый раз слова казались пустыми, не несущими и сотую долю эмоций, каких он испытывал.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55802/1422873>